

Осень в Запретном городе первого года правления Юнчжэна уже вступила в полную силу.

Золотисто-желтые листья гинкго устилали дворцовые дорожки, но их беспрестанно сметали слуги, поддерживая нарочитую, не терпящую ни единой соринки торжественность. Высокие красные стены вздымались вверх, глазурованная черепица в скудных лучах осеннего солнца отблескивала холодным светом, окутывая огромный дворцовый комплекс атмосферой величия и гнета.

Во Дворце Цзинжэнь струился аромат сандала.

Уланала-Исю восседала на теплом ложе в повседневном одеянии желтого цвета с вышитыми фениксами и пионами, голову ее украшала шатающаяся заколка в виде феникса из червонного золота с бирюзой. Обладая подобающей царственной осанкой, она потупив взор просматривала поднесенные Внутренней придворной управой счета. Ее пальцы медленно скользили по бумаге, взгляд был сосредоточен и спокоен, словно ничто в этом мире не могло более поколебать ее покой.

Цзянь Цю безмолвно стояла рядом, изредка вполголоса отвечая на вопросы. В зале слышны были лишь легкий шелест перелистываемых страниц да мерное капанье водяных часов.

Благолепная картина, достойная матери страны.

Однако лишь самый внимательный наблюдатель мог бы заметить в глазах императрицы, бездонных, словно древний колодец изредка мелькающую тень едва уловимой, почти не существующей усталости и холодности. То была усталость, въевшаяся в кости, порожденная бесчисленными днями и ночами интриг, взвешиваний и той боли, что, похороненная за этими кинокарными стенами, не была доступна никому.

Бледное личико безвременно ушедшего Хун Хуэя, пустой и просветленный взгляд старшей сестры Жоу Чжэ перед смертью, а также лицо Инь Чжэня — нынешнего императора — вечно скованное льдом, на котором лишь при упоминании власти появлялась рябь... Эти образы, словно подводные рифы, то и дело врезались в самую глубину ее сердца, заставляя ее, обладающую высочайшим и почетнейшим положением среди женщин Поднебесной, по-прежнему ощущать пронизывающий до костей холод.

Она не любила Императора, давно уже не любила. Та малая толика супружеских чувств давно истаяла в бесконечных расчетах и жертвах. Сейчас она была императрицей Великой Цин, опорой клана Уланала, и только. Она управляла этим гаремом, словно вела искусную партию в го, где все наложницы, императорские сыновья и дочери, и даже сам Император были лишь фигурами на доске. А ей оставалось лишь хладнокровно выстраивать стратегию, следя за тем, чтобы все оставалось под контролем, и чтобы она сама больше не оказалась той, кого принесут в жертву.

— Госпожа, — голос Цзянь Цю нарушил тишину, исполненный уместного почтения, — Внутренняя придворная управа доставила новый подношение — ханчжоуские хризантемы. Говорят, цветы крупные и полные, лучше всего для очищения жара и прояснения зрения. Не

прикажете ли заварить вам чашечку?

Исю, не поднимая глаз, лишь равнодушно хмыкнула в знак согласия.

В этот миг из-за пределов зала донесся приглушенный шум, нарушивший привычную тишину Дворца Цзинжэнь. Звук приближался, в нем слышались капризные нотки и непрерываемая уверенность.

Пальцы Исю, перелистывавшие страницы счетов, чуть дрогнули.

Цзянь Цю тотчас поняла и, нахмурившись, тихо произнесла: — Я пойду посмотрю.

Но не успела она выйти, как дежуривший у входа молодой евнух поспешно вошел, опускаясь на колени с докладом: — Докладываю Вашему Высочеству императрице, прибыла Наследная наложница Хуа, говорит, есть важное дело, требует немедленной аудиенции.

Наследная наложница Хуа. Нянь Шилань.

Та доля усталости в глазах Исю мгновенно исчезла, сменившись почти инстинктивным, острым оценивающим и расчетливым взглядом. Она медленно закрыла счета и подняла голову.

— Проси. — Голос был ровен и спокоен, в нем не слышалось ни малейших эмоций.

Мгновение спустя зазвенели бусины штор, раздался звонкий и чуть торопливый звук. В зал, сопровождаемая порывом ароматного ветерка, ворвалась стройная фигура в розово-красном, на миг словно прибавив света унылой осенней картине за окном.

Нянь Шилань сегодня причесала волосы в роскошный узел «пион», в который была воткнута шатающаяся заколка из золоченой бронзы с цветами и играющими жемчужинами, на ней было облачное парчовое платье с вышитыми золотом бабочками и цветами. Наряд был ослепительно ярок, под стать ее броской и блистательной красоте. Однако сейчас ее прекрасное, способное покорить царство лицо было омрачено явным гневом и негодованием: ивовые брови нахмурены, прекрасные очи широко раскрыты, даже в приветствии чувствовался запал.

— Я, ваша наложница, желаю здоровья императрице! — Она небрежно присела в поклоне и, не дожидаясь, пока Исю позволит ей подняться, нетерпеливо заговорила, голос звонкий и яркий, словно жемчужины, ударяющиеся о яшмовое блюдо, но исполненный обиды и жалобы, — Госпожа! Вы непременно должны рассудить меня!

Исю спокойно смотрела на нее, не выказывая гнева на ее неучтивость, и лишь медленно произнесла: — Встань и говори. Что за спешка, зачем терять достоинство? — В ее тоне слышалась привычная мягкость, но при этом чувствовалась не терпящая возражений властность, словно невидимая сеть, мягко охватившая бушующее пламя гнева Нянь Шилань.

Нянь Шилань поднялась, комкая в руках расшитый платок, и с жаром заговорила: — Госпожа, только что люди из моего дворца отправились во Внутреннюю придворную управу за ежемесячным довольствием, и эти холопы посмели его урезать! Говорят, Император в последнее время чтит бережливость, поэтому расходы гарема должны быть сокращены. Но я вижу, почему-то не хватает только парчи и восточного жемчуга в моем дворце? Ясно же, что эти холопы смотрят свысока, видят, что я...

Она не договорила, словно осознав, что проговорилась, резко осеклась, но негодование на лице стало лишь сильнее. Кому неведомо, что она, Нянь Шилань, пользуется особой благосклонностью, а ее брат Нянь Гэнъяо и вовсе опора государства, покрывший себя славой в битвах. Если бы не чье-то наущение или молчаливое согласие Императора, люди из Внутренней придворной управы ни за что не посмели бы урезать ее довольствие. Она, хоть и прямолинейна, но не настолько глупа, чтобы не понимать всех этих тонкостей; именно потому, что понимала, и чувствовала еще большую обиду и ярость.

Исю молча слушала, в душе уже понимая почти все. В последнее время Император действительно хотел осадить клан Нянь: на позавчерашней утренней аудиенции он немного урезал полномочия Нянь Гэнъяо, а в гареме принялся за довольствие Нянь Шилань — и жест сделал, и пыл ее поумерил. Эта императорская тактика была ей слишком хорошо знакома.

Она смотрела на это оживленное гневом лицо, яркое и живое, с той наивностью и прямоотой, что еще не стерлись окончательно глубокими стенами дворца. Словно пылающее пламя, ослепительное, но способное и обжечь. Казалось, ледяная стоячая вода в глубине души Исю слегка дрогнула от жара этого пламени, пошла едва заметной рябью, которую она сама не сразу осознала.

— Так вот оно что, — Исю взяла чашку с только что поданным Цзянь Цю чаем из ханчжоуских хризантем, легонько подула на пар, голос ее был нетороплив, — Внутренняя придворная управа лишь исполняет указ. Император и впрямь намерен ввести бережливость, расходы Шести дворцов все скорректированы, это не только против тебя одной.

Ее слова, словно теплая вода, пытались залить огонь Нянь Шилань.

Но Нянь Шилань и слушать не желала, ей казалось, что императрица лишь отделяется общими фразами, и от этого она распалялась еще больше: — Госпожа! Если уж бережливость, то должна быть для всех одинакова! Почему же у Наследной наложницы Ци шуского шелка ни одного куса не убавили, а у Наследной наложницы Дуань ласточкины гнезда все так же вдоволь? Ясно, кто-то тайно вставляет палки в колеса, травит меня! — Говоря это, она даже слегка покраснела, обида на лице не казалась наигранной, напротив, придавала ей какую-то особенную прелесть и искренность.

Исю смотрела на ее покрасневшие веки, и странное волнение в ее душе стало еще отчетливее. Она вдруг подумала, что видеть, как эта прекрасная, но колючая роза терпит поражение и обиду, оказалось не лишено своеобразия. Тайное, почти маниакальное желание контролировать тихо зародилось в ней.

Она опустила чайную чашку, голос оставался мягким, но в нем появилась едва уловимая направляющая нотка: — Вот как? И что же ты хочешь? Чтобы я сделала выговор Внутренней придворной управе или пошла к Императору просить за тебя справедливости?

Нянь Шилань от такого вопроса поперхнулась. Конечно, ей хотелось, чтобы императрица немедленно вступилась за нее, сурово наказала тех холопов, и даже... замолвила словечко перед Императором. Но даже при всей ее прямоте, она понимала, что помыслы Императора неисповедимы, и императрица вряд ли станет из-за нее гневить его величество.

Видя ее замешательство, губы Исю чуть заметно дрогнули в улыбке, тут же исчезнувшей. Она медленно произнесла: — В гареме благосклонность и ее потеря — обычное дело. Сегодня недодадут несколько кусков парчи, а завтра, глядишь, добавится почета. Если же считать каждую мелочь, наживешь лишь лишние хлопоты.

Слова ее были похожи на утешение, но на самом деле скорее на намек и провокацию. Глядя в глаза Нянь Шилань, все еще хранящие непокорность, она продолжила: — Ты — пожалованная Императором Наследная наложница Хуа, твой брат — заслуженный сановник государства, в тебе самой есть твоё достоинство. Стоит ли из-за пустяков с расходами утратить положение и честь? Это была бы невыгодная сделка.

Эти слова, услышанные Нянь Шилань, почему-то пришлись ей по душе. Императрица признает её достоинство, понимает её обиду, и в то же время намекает, что не стоит ронять себя до мелочных подсчетов. Странное чувство, будто её поняли и... защитили, как свою, незаметно перекрыло прежний гнев. Она не осознавала, что это Исю точно подкинула ей нужную эмоциональную подпитку.

(Ореол благосклонности здесь беззвучно сработал, преобразуя эти расчетливые слова Исю в воспринимаемое Нянь Шилань внимание и поддержку.)

Нянь Шилань слегка опустила задранный подбородок, гнев поутих, сменившись почти зависимой мольбой: — Тогда... Госпожа, неужели мне так и смириться?

Исю пристально смотрела на нее, взгляд глубокий, словно видел ее насквозь. Помолчав, она равнодушно обронила: — Смириться или нет — зависит от сердца. Главное, чего ты хочешь? Сиюминутной гордости или долгосрочного покоя и почета?

Ее слова, словно крючок, тихо закинутый в озеро души Нянь Шилань.

Нянь Шилань замерла. Чего она хочет? Разумеется, любви Императора, почета и уважения, чтобы никто не смел ее обидеть. Но все это казалось зыбким. А стоящая перед ней императрица выглядела такой надежной и устойчивой, словно могла указать ей путь.

Глядя на растерянное, погруженное в раздумья лицо Нянь Шилань, Исю испытала тонкое удовлетворение от чувства власти. Ей нравилось направлять ее, видеть, как ее эмоции

взлетают и падают от ее слов.

— Ладно, — Исю своевременно завершила разговор, голос вернулся к величественности императрицы, — Я узнала об этом деле. Если Внутренняя придворная управа действовала с пристрастием, я сама разберусь. Ступай к себе, води себя спокойно, не поднимай больше шума, чтобы не навлечь пересудов.

Она дала расплывчатое обещание, достаточное, чтобы успокоить Нянь Шилань, но ничего по сути не пообещала.

К этому моменту волнение Нянь Шилань поутихло, и даже появилась толика благодарности и расположения после этих, как ей казалось, доверительных слов императрицы. Она вновь присела в поклоне, на сей раз гораздо почтительнее: — Слушаюсь. Я, ваша наложница, буду следовать наставлениям госпожи. Благодарю госпожу за то, что вступились за меня.

Перед уходом она не удержалась и снова взглянула на Исю. Императрица уже снова взялась за счета, профиль ее в игре света и тени казался особенно мягким и безмятежным, излучая некую умиротворенную силу, выкованную бурями, до которой Нянь Шилань было не дотянуться. В душе Нянь Шилань шевельнулось что-то странное, необъяснимое чувство.

Когда Нянь Шилань ушла, в зале вновь воцарилась тишина.

Цзянь Цю шагнула вперед и тихо спросила: — Госпожа, как быть с Внутренней придворной управой?

Исю, не отрывая взгляда от счетов, безучастно ответила: — Выясни, кто это так умно урезал, причем так явно. Сделай внушение, не нужно строгого наказания. Воля Императора должна быть исполнена, но не более того.

— Слушаюсь. — Цзянь Цю приняла приказ и, помедлив, добавила, — Кажется, Наследная наложница Хуа... все больше полагается на вас.

Услышав это, Исю медленно подняла голову и взглянула в окно на небо, разрезанное дворцовыми стенами на правильные квадраты. По ее губам медленно скользнула едва заметная, но исполненная глубокого смысла улыбка.

— А что, разве плохо, когда полагаются? — тихо проговорила она, словно отвечая Цзянь Цю, а может, и самой себе. — Кипящее на огне масло, цветы на парче — это, безусловно, шумно и ярко. Но лишь зависимость — самая надежная узда.

Она вспомнила глаза Нянь Шилань — такие яркие и живые, в которых, возможно, именно сейчас, из-за нее, заволновалась рябь.

Высоко вошла луна — зачем ей приближаться к земному огню? Но если этот огонь сам упорно ищет лунного света, и даже готов умерить свой жар ради него, это уже совсем другая история.

Она взяла чашку с уже остывшим чаем из ханчжоуских хризантем и сделала легкий глоток.

Вкус был горьковатым, но послевкусие отдавало едва уловимой сладостью.

<http://bllate.org/book/18894/1846946>